

ХАРПЕР
СМИТ

ПРИШЕЛЕЦ И КРАСАВИЦА

18+

Харпер Смит

Пришелец и красавица

«Автор»

2026

Смит Х.

Пришелец и красавица / Х. Смит — «Автор», 2026

Торн уже любил однажды, но не смог спасти свою ктари. Много лет он нес бремя вины на своих плечах и наказывал себя одиночеством, пока небо не послало к ним бледных землянок. Он даже не надеется на взаимность Оливии, но сделает все, чтобы защитить ее и детеныша. Сначала Торн пугал Оливию своим молчанием, угрожающим вечно хмурым видом и телом, покрытым шрамами. Но чем дольше, он был рядом, тем сильнее она прониклась к нему. Однако Торн никогда не показывал, что хочет от нее чего-то большего, чем просто молчаливой дружбы. Возможно, он считает ее недостаточно хорошей или грязной, ведь у нее ребенок от другого мужчины.- исцеляющая любовь- травмированный мужчина, нежная женщина- ребенок от другого- чувственные сцены

© Смит Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА	5
Глава 1. Оливия	6
Глава 2. Оливия	7
Глава 3. Торн	9
Глава 4. Оливия	11
Глава 5. Торн	13
Глава 6. Оливия	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Харпер Смит

Пришелец и красавица

ОТ АВТОРА

Это вторая книга из серии «Планета нарксов»

Книги можно читать отдельно, но рекомендую идти по порядку.

1. Истинная для вождя нарксов (Аиша и Дарахо).
2. Пришелец и красавица (Оливия и Торн).
3. Пышка для звездного лекаря (Кара и Ри'акс).
4. Госпожа землянка. Двое лучше одного (Лима, Арак и Лумис).
5. Покорись мне, землянка (Сара и Рэй'вар, Лайла и Кей'дар).

Глава 1. Оливия

— Тоня научилась переворачиваться и теперь постоянно это делает, скоро, наверное, ползать начнет. Хотя Аиша говорит для этого еще рано.

Отличить один сезон от другого в тропическом климате было непросто, но судя по невыносимой духоте и жаре, наступило лето. Днем находиться на улице было невозможно, да и в помещениях не сильно лучше.

Я отжала мокрую ткань и начала обтирать плечи Торна, продолжая болтать обо всем подряд, потому что молчание было невыносимо. Голос у меня дрожал, срывался на шепот.

Я провела тканью по его руке, пальцам...

— Аиша принесла травяной настой. Сказала, что сделала по другому рецепту и должно помочь от лихорадки лучше, чем то, что мы давали тебе раньше.

Я замолчала, прислушиваясь к его дыханию. Оно было хриплым, но сегодня без ужасного бульканья, которое было в первую неделю. Просто трудный, тяжелый выдох, хриплый вдох, пауза, и снова выдох.

— Я так устала бояться, — вырвалось у меня вдруг. Слезы упали на его руку. — Я не знаю, что делать, если ты... если ты не... Пожалуйста, Торн, очнись.

Его веки дрогнули. Сначала чуть-чуть, потом сильнее. Длинные, темные ресницы поднялись, открывая тусклые, затуманенные глаза. Они ни на чем не фокусировались, просто смотрели в потолок, невидящие. Один у него был янтарным, как у всех нарков, а второй мутно-белый, слепой.

— Торн? — прошептала я, наклоняясь ближе. — Торн, ты меня слышишь?

Его взгляд медленно, с невероятным усилием нашел мое лицо. Сухие и потрескавшиеся губы шевельнулись. Торн попытался приподняться на локте, но здоровое плечо дернулось в спазме. Он не смог даже оторвать голову от шкур. Из его горла вырвался хриплый, сдавленный звук боли и отчаяния.

— Не надо, не двигайся! — Я положила ладонь ему на грудь, стараясь удержать его, хотя в этом не было нужды. Его тело было слишком слабым. — Ты серьезно ранен, лежи спокойно. Сейчас, я позову Ри'акса, мы поможем тебе.

Я уже собиралась обернуться к выходу, чтобы крикнуть, но его рука вдруг дернулась.

Я замерла, не понимая. Он и до ранения никогда не говорил. Я не знала, был ли он немым или просто упрямым. Изредка он обращался ко мне жестами, прямо как сейчас.

Он с трудом оторвал кисть от шкур и махнул пальцами. Слабый, но понятный жест: уходи.

Внутри у меня все оборвалось. Воздух перестал поступать в легкие.

— Торн?

Он закрыл глаза. Не хотел меня видеть? Я вышла из хижины и зажмурилась от яркого солнца. Лекарь нашелся под раскидистым деревом.

— Ри'акс, — мой голос был плоским, безжизненным. — Торн очнулся.

Ри'акс тут вскочил, закидывая меня вопросами, но я ничего ответить не могла. Очнулся, а большего не знаю. Когда мужчина отошел, я присела на его место рядом с Карой, которая качала Тоню.

— Он меня прогнал, — выдавила я.

— Торн? — удивилась Кара. — Ты должно быть, просто не так поняла. Этот здоровяк не отлипал от тебя все то время, что мы были здесь. Просто дай ему прийти в себя. Все-таки три недели без сознания был.

Ее слова меня немного успокоили, может, и правда, все будет хорошо? В конце концов, самое главное, что он пришел в себя.

Глава 2. Оливия

Я сидела, прислонившись спиной к шершавому стволу, и качала Тоню на руках. Она наелась и уснула. Воздух дрожал от зноя, пах нагретой смолой и соленым ветром с океана. Даже птицам лень было щебетать в такую жару.

Режим дня племени перестроился. Теперь все работали до обеда, потом отдыхали до вечера, пока жара не спадала, и снова принимались за дела. А их всегда было много: охота, разделка, готовка, изготовление одежды, обуви, шкур... Каждый был при деле.

Даже Аиша со своим огромным животом возилась в саду и обсуждала с Ри'аксом медицину, делясь знаниями, полученными на земле.

Все работали, кроме меня. Тоня была слабым и капризным ребенком, болезненным из-за того, что я родила ее слишком рано. Поэтому я не могла надолго выпускать ее из рук.

Подруги иногда давали мне передохнуть, нянчили ее. Последние недели я использовала это время, чтобы ухаживать за Торном...

Я смотрела на линию горизонта, где небо сливалось с голубой гладью океана. Великая Вода. Полгода назад это словосочетание ничего для меня не значило. Полгода назад я пила латте в кофейне у офиса, слушала, как подруга планирует свой день рождения, и думала, как сказать бывшему парню, с которым только рассталась, что я беременна.

Сквозь дремоту проплывали обрывки воспоминаний.

Ослепляющая вспышка в баре, холодный металлический стол, черные, бездушные глаза, жгучая боль в виске... и полная, всепоглощающая беспомощность. Нас похитили инопланетяне прямо из бара, чтобы продать на рынке рабынь.

Крушение корабля и незнакомая планета. Дикари с фиолетовой кожей, испещренной ярко-голубыми линиями. Их оранжевые глаза и хвосты с кисточками как у львов...

Долгие месяцы абсолютного непонимания, как быть дальше, тяжелая беременность, болезненные роды, извержение вулкана и вот мы здесь, на берегу океана, отстраиваем новую деревню, пытаюсь научиться жить и стать частью племени.

Дэвид, отец Тони, понятия не имеет, что она родилась. Смешно, мы ведь расстались из-за того, что он не хотел детей, а я мечтала о семье.

Если бы мы остались вместе, я скорее всего не попала бы на девичник, ведь он совпал по дате с днем рождения Дэвида. Расстанься мы хотя бы на пару дней позже, я бы не попала в руки инопланетян.

Тоня агукнула во сне, и я прижала ее к себе.

Все могло быть иначе.

Я могла бы никогда не узнать Торна, он не пострадал бы, пытаюсь спасти меня. Торн... Я так боялась его сначала. Высокий, широкоплечий, весь в шрамах. Он никогда ничего не говорил, не улыбался. Лишь однажды я увидела тень эмоции на его лице, когда новорожденная Тоня ухватила ручкой за его палец. В тот момент я подумала: «Как жаль, что не ты ее отец» и сама этой мысли испугалась.

Как я могла хотеть его? Такого не похожего на человека. Я ведь даже ни разу не говорила с ним, не знала о чем он думает, мечтает, как жил раньше.

Но он всегда был рядом, моя опора, моя тень.

Он ведь готов был защищать меня ценой своей жизни. Когда из воды на нас выпрыгнул этот монстр, похожий на крокодила... Звук ломающихся костей и песок, покрасневший от крови, до сих пор снятся мне в кошмарах.

Почему он прогнал меня сегодня?

Я оглянулась на хижину, где лежал Торн. Все мое существо тянулось к нему, но я осталась сидеть под деревом. Я должна уважать его желания. Если он не хочет меня видеть, что ж, значит, так тому и быть.

Тоня проснулась и захныкала, я встала, чтобы пройти с ней. Иногда это помогало ее успокоить. Что бы не происходило вокруг, сейчас главное — моя дочь, ее счастье и спокойствие.

Глава 3. Торн

Боль. Она пульсирует в груди, плавит кости, рвет мышцы. Я лежу и смотрю в потолок из веток, слушаю шум прибоя. Мое тело меня больше не слушается.

Я попытался пошевелить пальцами левой руки. Ничего. Правая шевелится, но даже чтобы оторвать ее от шкур, нужно приложить невероятные усилия.

Оливия плакала из-за меня? Ее голос дрожал. Я видел себя ее глазами. Нemoщный, жалкий, тот, кого нужно обтирать, кормить, за кого нужно... все делать. И этот запах... чистый, как трава после дождя, смешанный с молоком и жизнью. А от меня воняет смертью и немощью.

Я даже не в силах справиться нужду самостоятельно, хожу под себя, как младенец. Позор. Я хотел, чтобы она ушла, чтобы не видела меня таким, не тратила время на меня. Она слишком добра, чтобы бросить меня. Но я не заслуживаю ее доброты. Ничьей не заслуживаю.

Когда Ри'акс пришел, я собрал все силы, чтобы поднять руку. Провел ребром ладони по горлу. Потом ткнул пальцем в него, сжал кулак, показывая удар, и снова указал на себя. Глазами молил: «Сделай это. Покончи с этим. Добей».

— Нет, — сказал Ри'акс твердо. — Я лекарь, а не убийца. Ты поправишься.

Он ушел, оставив меня гнить дальше. Позже пришел Дарахо, наш вождь:

— Друг мой, как я рад видеть тебя в сознании.

Он приподнял мою голову, чтобы напоить, но я сжал губы.

— Понял, не хочешь. Но жара стоит жуткая. Ри'акс сказал, тебе надо много пить, иначе будет обезвоживание. В твоём состоянии оно особенно опасно.

Он говорил слишком ласково и спокойно. Не так, как обычно. Дарахо всегда был суровым воином, а не наседкой.

Я взглянул на его кинжал у пояса, показал жестом: «Добей». Дарахо покачал головой.

— Нет, друг мой, даже не проси. Мы тебя поставим на ноги.

Я не хотел этого. Не хотел жить в этом слабом теле. Моя нога не слушалась, рука не двигалась, такое не лечится.

— До-бей.

Слово далось с трудом. Я не говорил много лет. Слишком долго, чтобы помнить точное число.

Дарахо нахмурился:

— Нет.

Вождь положил тяжелую руку на мое здоровое плечо.

— Смерть придет сама, если захочет, — произнес он тихо. — Твоя задача сейчас — не звать ее. Тебя ждут Оливия и Тоня. Не бросай их.

Дарахо ошибается. Я не нужен Оливии и ее малышке. Всем будет лучше без меня.

Горькая и беспомощная ярость закипела во мне. Я огляделся: одежда, шкуры, пустой сосуд для воды. Ничего острого, ничего, похожего на оружие. Ри'акс все предусмотрел. Я попытался повернуться, но мир поплыл. Я едва сдвинулся на локоть, прежде чем слабость накрыла меня черной волной. Я рухнул обратно, задыхаясь, с проклятием, застрявшим в беззвучном горле.

Я не мог даже убить себя, как подобает воину. Жалкое существо.

В этом унижении выползла старая тень. Память, которую я хоронил годами.

Дым. Злобные крики гибли и звон их оружия. Наше поселение пылало. Я был молод и силен, полон ярости. Я дрался, как демон, пытаюсь пробиться к ее хижине. Ленера, моя Ленера. Ее смех был похож на журчание ручья.

Я почти дошел, когда удар в спину сбил меня с ног. Что-то острое и тяжелое обрушилось на плечо, я услышал хруст собственных костей. Боль ослепила. Последнее, что я увидел перед

тем, как тьма поглотила меня, — обрушившуюся крышу ее хижины, пожираемую алыми языками.

А ее, мою Ленару, уносил на плече один из воинов гибли. Она кричала и звала меня. А я не сделал ничего. Не спас ее.

Я пришел в себя на рассвете. Мир был тих и покрыт пеплом. Гибли ушли, забрав все, что могли. Я нашел ее среди мертвых, вернее, то, что от нее осталось. Искалеченное тело. Ленара пыталась сопротивляться, и они ее убили.

И вот история повторяется. Снова я лежу беспомощный. Снова рядом женщина, которую не смогу защитить. Я закрываю глаза. Стыд жжет сильнее лихорадки.

Я дышу.

Я дышу и ненавижу каждый вдох, который продлевает эту жалкую жизнь.

Глава 4. Оливия

Я проснулась от хныканья Тони и некоторое время пыталась прийти в себя. Мне снова снился Торн. Время, когда он ночевал на пороге моей хижины, готовый прийти в любой момент на помощь.

Я дала Тоне грудь и, пока она ела, продолжала смотреть на пустой проход. Закрывающая его шкура немного загнулась и по полу скользил утренний луч.

Если закрыть глаза, прислушаться к плеску волн и вдохнуть воздух, пахнувший солью и дымом костра, можно представить, что мы с дочкой просто в отпуске на тропическом острове. А мой муж вышел, чтобы немного поплавать, он вернется и мы вместе позавтракаем.

Какая приятная фантазия... Вот только на месте мужа я автоматически представила Торна. Так нельзя. Он ничего подобного ко мне не чувствует.

Мы так и не поняли, как именно работает связь к'тари. Какая-то химия их тел или просто то, как они объясняют влюбленность. Но мужчины и женщины племени были уверены, что чувствуют свою пару. И оставались верными своим к'тари до конца жизни.

Дарахо почувствовал это к Аише с первого взгляда, как и Арак к Лиме. Близняшки Тарани и Саманта завтра на закате выйдут замуж за своих мужчин, которые тоже ухаживали за ними едва ли не с первого дня на этой планете. И, хоть Ри'акс не признается, но я уверена, он по уши влюблен в Кару. Почти все девочки с Земли тоже при парах, двое уже беременны.

Тоня дернула меня за прядь волос, заставив поморщиться. Я люблю свою дочь, но, возможно, из-за нее я никогда не обрету то самое женское счастье. Конечно, я не собираюсь ее винить за это. Я люблю ее всем сердцем, но...

На Земле таких, как я, называли РСП — разведенка с прицепом, и не стремились звать на свидание. Конечно, не все мужчины такие, но большинству не нужен чужой ребенок.

И есть еще одна проблема.

Я едва не умерла при родах и не уверена, что смогу забеременеть снова. А в этом племени дети, или как они их называют, детеныши, на вес золота. Мужчинам нужны плодовые женщины.

Чтобы избавиться от мрачных мыслей, я поднялась и, накинув платье, вышла из хижины.

Под большим навесом, где обычно обрабатывали шкуры, доносился смех и оживленные, перебивающие друг друга голоса. Я обогнула угол и замерла, наблюдая за картиной, которая была настолько земной и настолько же странной в этом инопланетном мире.

Под навесом столпились почти все наши девушки. В центре Тарани и Саманта держали в руках нечто вроде длинных, гибких лиан с бледно-розовыми цветами — местный аналог гирлянд.

— Вот сюда еще перьев добавить! — восторженно говорила Лайла, держа несколько длинных, переливающихся синим и зеленым перьев. — И волосы мужчинам ими украсить.

— Они будут похожи на напуганных птиц, — фыркнула Сара, но улыбка не сходила с ее губ. Она аккуратно прикладывала кусок мягко выделанной, нежно-кремовой кожи к талии Саманты, явно прикидывая выкройку для чего-то нарядного.

— Главное, чтобы пир был хороший, — мечтательно вздохнула Кара, помешивая в большом глиняном горшке что-то, пахнущее медом и дикими фруктами. — Дарахо обещал, что принесут несколько спелых макару с дальних склонов.

Ладонь Тарани лежала на еще плоском животе. И ее сестра, Саманта, заметив этот жест, перевела глаза на свою фигуру, будто сравнивая. Тарани тоже беременна...

Мона, самая тихая из девушек, сидела чуть в стороне, вышивая что-то мелким бисером на полоске кожи. Она заметила мой взгляд и мягко улыбнулась:

— Тарани сказала нам сегодня утром. У них с Рокаром будет ребенок.

Рокар был умелым рыбаком и одним из главных добытчиков племени.

— Ва'тору стоит поторопиться. Вы же хотели одновременно забеременеть, — хихикнула Лайла.

Саманта смущенно опустила глаза, но не стала отрицать. Ва'тор, ее избранник, был полной противоположностью суровому Рокару — молодой, улыбчивый, по сути еще мальчишка в теле взрослого мужчины. Но они обе казались невероятно счастливыми.

Все они строили свою жизнь здесь, постепенно забывая Землю. У многих остались там родные и даже бойфренды. Первые месяцы были полны слез и истерик, но чем больше времени проходило, тем тише и бледнее становилась их тоска по прошлому.

Женщины налаживали связи, пускали корни, создавали будущее. Их дети будут полукровками, новым народом, который будет принадлежать и Земле, и планете нарксов одновременно.

Меня охватило острое, болезненное чувство. Не зависть, скорее, отстраненность. Как будто я смотрела на теплый, светлый дом через толстое стекло, прижавшись к нему холодными ладонями. У них была любовь, поддержка, планы. А у меня... была хижина, в которой лежал человек, не желавший меня видеть. И дочь, которая была целым всем моим миром и одновременно вечным напоминанием о другой жизни, потерянной навсегда.

Я незаметно отступила. Мое настроение было слишком черным для их радости. Мне нужно было не праздничное платье, а ответы.

Я нашла Ри'акса у его хижины-лазарета. Он толк в ступе какие-то сухие корни. Его хвост медленно вился за спиной, выдавая сосредоточенность.

— Ри'акс, — позвала я тихо.

Он поднял на меня свои глаза.

— Оливия, как Тоня?

— Хорошо, — я перехватила дочь поудобнее и решилась. — Как он?

Лекарь вздохнул, отложил пестик.

— Лихорадка спала, кости... срастутся. Но он очень слаб. Ему потребуется время.

— А почему... — я сглотнула комок в горле, — почему он не хочет меня видеть? И почему он никогда не говорит? Он немой от рождения?

Ри'акс медленно покачал головой.

— Оливия, я не могу тебе ответить. Это дело Торна. Если он захочет, чтобы ты знала, он сам тебе расскажет.

— Я не понимаю. Он всегда был рядом, помогал мне. Я просто хочу ответить ему тем же, — мой голос дрогнул.

— Иногда лучшая помощь — бездействие. У Торна свой путь, у тебя свой. Думай о дочери.

Хоть и Ри'акс говорил своим обычным мягким и спокойным тоном, но я уловила предостережение в его голосе: «Не лезть», поэтому кивнула и пошла прочь.

Глава 5. Торн

Боль стала моим единственным спутником. Тупая, ноющая, она поселилась в правой стороне тела и не желала отступать. Ри'акс заставлял меня двигаться, вставать и ходить по хижине, опираясь на палку. Каждый шаг был пыткой. Моя правая нога волочилась, едва слушаясь, а левая рука безжизненно висела плетью.

Выходить из хижины я отказывался, пока не явился Дарахо.

— Идем, это приказ.

Он помог мне дойти до костра. Казалось, вся деревня пялится на меня, едва волочащего ноги, как побитая собака.

— Кости срastaются, — сказал вождь, передавая мне похлебку. — Ты крепок, как скала. Еще немного, и будешь ходить почти как прежде.

Почти. Это слово висело в воздухе между нами, тяжелое и ядовитое. Я не буду прежним. Воин, который хромает и не может держать копьё? Который не может натянуть тетиву лука или закинуть сеть? Это не воин. Это обуза.

— Племя о тебе позаботится, — сказал он твердо, положив руку на мое здоровое плечо. — Ты спас двух женщин, мою к'тари. За это я обязан тебе жизнью. Ты достаточно сделал для нас, теперь дай нам помочь тебе.

Его слова вызвали раздражение вместо благодарности. Помощь, подачка за былые заслуги. Я не старый и немощный, чтобы сидеть у огня и жевать чужую добычу, пока другие рискуют жизнью.

Я рванулся, пытаюсь встать без помощи палки. Мир закачался, нога подкосилась, и я едва не упал. Дарахо подхватил меня, сильные руки удержали на месте. От стыда кровь ударила в голову.

«Не хочу так. Я воин», — показал я ему жестами. Дарахо покачал головой:

— Больше нет. Но если хочешь помогать племени, работа всегда найдется. Женщины заготавливают лозу для корзин и циновок. Им нужны крепкие жгуты.

На следующий день я, ковыляя, пришел к месту под навесом, где обычно собирались женщины. Их смех и болтовня стихли, когда я появился. Одни смотрели на меня с любопытством, другие с плохо скрываемой жалостью.

Лайла, самая юная из них, показала мне связки длинных, гибких стеблей и каменный нож. Нужно было очистить их от листьев и боковых побегов, а потом разделить на полосы.

Я сел на пень в стороне, положив нож рядом. Правой рукой я схватил пучок стеблей. Пальцы, привыкшие сжимать рукоять меча или древко копья, теперь ощущались неуклюжими деревяшками. Раненая рука слушалась плохо.

Я попытался прижать стебли к бедру и сделать рез ножом. Они соскользнули. Я стиснул челюсти, попробовал снова. Нож выпал из пальцев в пыль.

Тарани что-то шепнула Саманте. Смех, уже не веселый, а сдержанный, нервный. Мне почудилось, что они смеются надо мной. Над грубым великаном, который не может справиться даже с простой работой.

Ярость вскипела во мне. Я схватил нож и с силой ткнул его в пучок лозы, желая не разрезать, а разорвать, уничтожить. Грубый стебель лишь надломился, нож соскользнул и острой гранью чиркнул мне по ладони. Выступила кровь.

Это стало последней каплей. Позор. Воин, искалеченный в честном бою с чудовищем, — это одно. Но взрослый мужчина, который не может выполнить простейшую задачу и режет себе руку, как несмышленный ребенок... Это невыносимо.

Я встал, отшвырнув нож и недоделанную лозу. Не глядя на женщин, я развернулся и заковылял прочь от деревни, в сторону леса. Мне было все равно, куда. Лишь бы подальше от этих взглядов, от этого смеха, от собственной беспомощности.

Я шел, пока боль в ноге не стала невыносимой. Я рухнул на колени у старого, полувывсохшего ручья, судорожно хватая ртом воздух.

— Торн?

Голос Оливии был тихим и ласковым, таким она говорила со своим детенышем. Я не обернулся. Сжал кулаки, впиваясь ногтями в кожу правой ладони, в свежую царапину. Уйди. Уйди. Не смотри на меня так.

— Я видела, как ты ушел, — она приблизилась, и я почувствовал аромат ее кожи. Самый сладкий и желанный во всем мире. — Дарахо сказал, ты помогаешь женщинам... Все в порядке?

Молчание. Я смотрел на темную воду в ручье, на свое отражение — искаженное, сломанное. Половину лица пересекал старый толстый шрам, он стягивал кожу на щеке и под глазом, затянутым серой пленкой.

— Может, я могу помочь? — ее голос прозвучал совсем рядом. — Или просто посидеть с тобой? Не обязательно говорить.

Посидеть с тобой. Как с больным или с убогим. Как с тем, кто не может быть ни воином, ни даже корзинщиком. Горечь поднялась комом в горле. Я резко повернул голову, поймав ее взгляд. В ее глазах я увидел то, чего боялся больше всего: участие, заботу, нежность. И всю свою ярость, весь стыд, всю ненависть к этому жалкому состоянию, я выплеснул в единственный жест.

Я поднял правую руку и отмахнулся. Резко и грубо, как от назойливого насекомого. Жест был кричаще ясным: «Убирайся, оставь меня».

Она замерла. Ее глаза расширились, в них мелькнула обида. Мне тут же захотелось упасть перед ней на колени и молить о прощении, но я лишь отвернулся и уставился в воду.

Я слышал, как она постояла еще пару минут, а потом ушла.

Глава 6. Оливия

С моей последней попытки пообщаться с Торном прошло несколько дней. Я не могла перестать наблюдать за ним, хотя понимала, что это неправильно и, наверное, не слишком здорово.

Ри'акс и Аиша несколько раз повторили, что его жизни больше ничего не угрожает, но это меня не успокоило, ведь они также сказали, что он никогда не сможет восстановиться до конца. Он будет хромать всю оставшуюся жизнь и скорее всего к правой руке полная чувствительность тоже не вернется.

— Ему повезло, что он левша, — сказала Аиша за завтраком. — Все могло быть хуже.

Я не стала с ней спорить, но она не понимала. Я уже видела подобное, с моим отцом. До инсульта он был сильным, здоровым мужчиной, веселым и активным. Он сорок лет отработал на нашей ферме, а одним утром упал и очнулся инвалидом.

Паралич забрал у него возможность работать, а вместе с ней и часть его личности. Как бы мы с матерью и сестрами ни старались вернуть отцу хорошее настроение, он чах все больше. Он умер год назад, в пятьдесят два года. Он мог бы прожить еще много лет, но сдался, и я боялась, что то же самое сейчас происходит с Торном.

— Как ты, девочка?

Мора села рядом со мной на поваленное бревно и вытянула ноги.

— Тоня сегодня умница, почти не плакала.

— Я о тебе, спрашивала.

— Ну вот, плету, — я показала коврик, над которым возилась все утро. Рукодельница из меня была плохая, но я пыталась научиться, чтобы приносить пользу. Из-за младенца, за которым нужен был постоянный уход и внимание, ничего другого племени я предложить не могла. — Пока не очень получается....

Мора раздраженно цокнула и покачала головой.

— Как ты?

Я улыбнулась и хотела сказать, что все отлично, но передумала. Мора — мать Ри'акса, самая уважаемая и старая женщина племени. Она казалась суровой и неприступной, но это была лишь маска. С первых дней на планете она относилась к нам с девочками, как к равным, и защищала от косых взглядов и пересудов.

Я не стала ей лгать и ответила честно:

— Я переживаю за Торна, но не знаю, как ему помочь. Он не хочет со мной говорить.

Мы вместе посмотрели на мужчину. Он сидел на дальней скале и смотрел то вдаль на джунгли, то на берег океана.

Каждое утро я наблюдала, как Торн, едва переставляя ноги, взбирается на холм. Путь, который у других занимал всего семь-десять минут, от него требовал полчаса, а то и больше.

Конечно, мы сидели слишком далеко и не могли видеть его лица, но я знала, что он сосредоточен и собран. К работе дозорного он относился с той же серьезностью, как и всему остальному в жизни.

— У Торна сложная судьба. Сложнее, чем у многих здесь. Если он дорог тебе, не сдавайся.

— Но он не хочет...

— Мужчины понятия не имеют, чего хотят! — оборвала меня Мора. — Ты женщина, будь мудрее.

— Но...

— Послушай меня, девочка, твое сердце знает все, — она ткнула пальцей мне в солнечное сплетение. — Доверься ему. Позаботься о Торне, как он заботился о тебе. Ты тогда помнишься тоже его помощи то не особо радовалась.

Она хитро улыбнулась, и я не смогла сдержать ответную улыбку. Это правда, Торн меня ведь пугал сначала, хотя не делал ничего плохого.

— На вот, отнеси ему, а за деткой твоей я присмотрю, — Мора сунула мне в руки небольшую корзину: ломоть хлеба, вяленое мясо, фляжка с водой.

По пути к скале я приняла решение. Не сдамся, хочу быть рядом с ним. Даже если он ненавидит каждую секунду моего присутствия. Я буду настолько навязчивой, настолько неотступной, что у него не останется выбора, кроме как принять мою помощь. Или, по крайней мере, смириться с ней.

Торн даже не обернулся, когда я подошла. Я оставила еду, постояла немного рядом, болтая о какой-то ерунде: погоде и приготовлениях к свадьбе близняшек, а потом погладила его по плечу и ушла.

Сердце от нервов колотилось, как сумасшедшее. Но хоть Торн даже не взглянул на меня, прогонять тоже не стал. Я сочла это хорошим знаком.

На следующий день я пришла в его хижину. Воздух здесь был спертым, пол был грязным, а очаг разворошен. Я вынесла шкуры на улицу, чтобы проветрить, аккуратно сложила его одежду, перемыла тарелки для еды, подмела земляной пол метелкой. Принесла свежей воды в кувшине и оставила у его ложа.

Целую неделю раз в день я носила ему еду. Я стала брать с собой Тонию и задерживаться немного подольше, болтая о том о сем. Я рассказывала о своей жизни на Земле. О двух старших сестрах, непоседливом младшем брате, животных, которые жили на ферме. Описывала, как выглядят коровы, козы и курицы.

«Аиша говорит, скоро начнутся дожди. Надеюсь, крыша нашей хижины не протечет, Дарахо обещал проверить...»

«Кара сегодня сожгла лепешки, а Ри'акс съел их все и сказал, что они самые вкусные, что он пробовал. Врет, конечно, но так мило...»

Торн слушал молча, ни разу не взглянув на меня. Но я видела, как напряжена его спина.

Я так привыкла к этой рутине, что когда через неделю снова зашла прибраться, даже не постучала. Я была уверена, что Торн на скале, но он был в хижине.

Голый.

Торн стоял посередине хижины, спиной ко мне. В одной руке он держал грубый лоскут ткани, а другая, поврежденная, беспомощно висела. Он пытался дотянуться до спины, но движения были неуклюжими. По его коже, испещренной старыми шрамами и новыми, еще розовыми, стекала вода.

Я первый раз видела Торна полностью обнаженным. Он как и другие мужчины племени носил обычно только штаны. К голой груди я привыкнуть успела, но к такому виду оказалась не готова...

Он услышал мое дыхание и резко обернулся, прикрыв пах тканью. Его глаза вспыхнули. Он зарычал, как зверь. Стыд и гнев пылали на его лице.

Мое сердце колотилось где-то в горле, но я сделала шаг вперед.

— Давай помогу, — сказала я тихо.

Он мотнул головой: «Уйди».

Я не ушла, хотя мое сердце трепыхалось в груди, испуганной птицей. Я подошла к ведру, смочила в нем чистую мягкую ткань, которую принесла с собой, и приблизилась к нему. Он был слишком высоким. Макушкой я едва доставала ему до середины груди.

— Торн, присядь, — сказала я, глядя ему прямо в глаза.

Он замер, его грудь тяжело вздымалась. Казалось, он вот-вот взорвется и вытолкнет меня вон. Но он вздохнул и опустился на низкий табурет.

От первого касания мужчина вздрогнул, как от удара током, но не оттолкнул, поэтому я продолжила. Я обтерла его шею, плечи, широкую спину и грудь. Я старалась не думать о нем, как о мужчине, о том, как приятно к нему прикасаться, какие твердые у него мускулы. Но в итоге только об этом и думала. Сама не заметила, как мое собственное дыхание стало тяжелее.

Я опустилась на корточки перед ним, чтобы промыть и перевязать его ногу. Торн сидел, застывший, как изваяние, и только его хвост нервно подергивался.

Рана затянулась, но края выглядели припухшими. Я старалась действовать аккуратно, чтобы не сорвать с нее корку. Он сглотнул и сжал руки в кулаки.

— Прости, если причиняю боль. Можешь немного вытянуть ее вперед?

Я старалась не смотреть никуда кроме ноги, но когда его член дернулся под повязкой, не удержалась. Он тут же опустил на повязку руку. Я подняла глаза, он не смотрел на меня. Поджал губы и отвернулся. Смущенный?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.